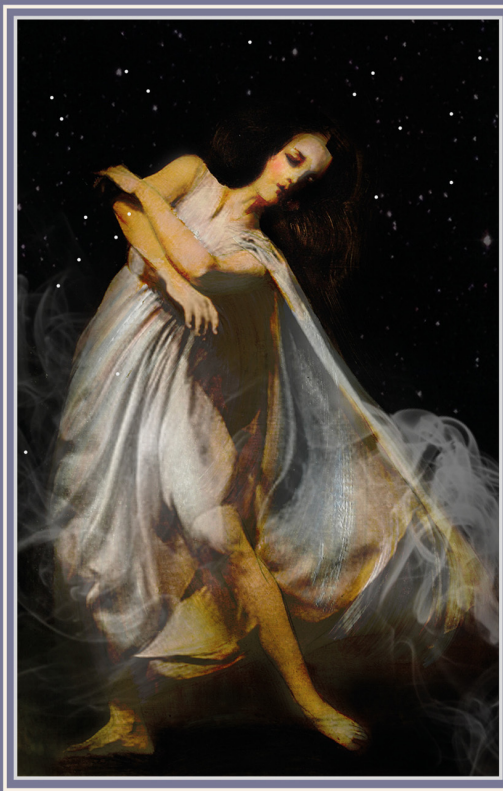

Наталья Павлицева

Айседора
ТАНЦУЮЩАЯ
БОСОНОЖКА Дункан

Наталья Павловна Павлищева Айседора Дункан. «Танцующая босоножка»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38987071

Айседора Дункан. «Танцующая босоножка»: Яюза-каталог; М.; 2018

ISBN 978-5-6040652-8-0

Аннотация

«Я не собираюсь учить вас танцам. Я просто хочу научить вас летать, как птицы, гнуться, как молодые деревца под ветром, радоваться, как радуется под майским утром бабочка, дышать свободно, как облака, прыгать легко и бесшумно, как серая кошка». Когда на сцену выпархивала юная Айседора Дункан, «прекрасная босоножка», чтобы танцем «пересказать» музыку, картину, стихотворение и даже философский трактат, завороченные ее танцем зрители не подозревали, что у танцовщицы от голода кружится голова. Первую половину жизни Айседора голодала, довольствовалась чужими обносками и не имела крыши над головой, но и позже мировая слава не принесла спокойствия. Потеря детей, предательства и обман любимых, гибель единственного законного мужа – Сергея Есенина (она ведь даже его фамилию себе взяла!), непонимание ее творчества... Но с рождения и до последних минут жизни на каждый удар судьбы

Айседора отвечала танцем. Только танец спасал от любых бед, ведь сама Айседора и есть танец.

Содержание

Сначала следует родиться...	8
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Павловна Павлищева Айседора Дункан. «Танцующая босоножка»

© Павлищева Н.П., 2018

© ООО «Яуза-каталог», 2018

* * *

*По дорогой цене боги продают свои дары. За каждой радостью обязательно следует мучение. За ниспосланную ими славу, богатство, любовь они взыскивают кровью, слезами и гнетущей печалью.
Айседора Дункан.*

Красивая стройная женщина могла смотреть на море часами, пока от солнечных зайчиков на воде не начинали болеть глаза. Она родилась у моря и у него черпала силу и вдохновение, стараясь проводить все свободное время на берегу.

Но на письменном столе Анжелу Изадору Денкан, которую весь мир знал как Айседору Дункан, ждала стопка лист-

ков голубоватой бумаги – с издательством заключен договор на двухтомник ее воспоминаний. Писать мемуары, когда тебе нет и пятидесяти, несколько преждевременно, Айседора шутила, что, поставив точку в последней фразе, ей придется умереть. Или жить еще на два тома.

Издатель и друзья уверяли, что это просто: нужно только вспоминать и рассказывать, секретарь будет записывать и обрабатывать записи. Потом то, что она сочтет достойным, оставят, остальное вычеркнут. Но как рассказать чужому человеку о своей жизни откровенно? И Айседора решила писать сама.

В жизни этой женщины событий и противоречий и впрямь хватило бы на десяток других, более спокойных. Но еще больше оказалось возведенной вокруг ее имени лжи – целые горы обо всем от танца и баснословных заработков до известной, растиражированной картины гибели из-за намотавшегося на колесо автомобиля шарфа. Даже эта всем знакомая ужасная сцена при ближайшем рассмотрении вызывает слишком много вопросов.

К пятидесяти годам Дункан была практически персоной нон-грата. Как же могла гениальная танцовщица стать врагом для правителей большинства стран по обе стороны Атлантики? Причем, настолько, что...

Или все же шарф намотался на колесо случайно? Как иногда вовремя случаются эти случайности!

Айседора написала о своей жизни, но только первую кни-

гу – до переезда в Советскую Россию. Была ли вторая? Если была, то куда делась рукопись и что так напугало власть предержащих? Где те самые любовные письма, которые обещала опубликовать Айседора?

Ее имя постарались забыть, жизнь свести к цепи любовных романов и непонятным танцам босиком. А в России к скандальному замужеству с Сергеем Есениным, обвинив в его пьянстве и творческом кризисе. Представили бестолковой, взбалмошной бабенкой, швыряющей деньгами и потакающей своим прихотям.

Но и сама Айседора сказала далеко не всю правду в воспоминаниях, пощадила тех, кого когда-то любила, не раскрыла некоторые секреты (или мемуары оказались кем-то подчищены, ведь книга вышла после гибели Дункан, а рукопись таинственным образом исчезла?). А вот во второй книге не собиралась щадить никого.

Шарф на колесе автомобиля оказался кстати?

Сначала следует родиться...

Друзья сказали, что все легко, нужно только вспомнить свою жизнь.

Вспомнить... словно это действительно легко. У Айседоры прекрасная память, она держала в голове имена, названия городов и даже деревушек, точные даты. Но разве в этом суть? И нельзя же пересказывать все подряд. Значит, сначала предстоит вспомнить, потом отобрать то, что важно, а потом записывать.

Айседора отложила в сторону ручку и задумалась. Стоит ли писать правду о детстве? Наверное, стоит, иначе к чему вообще писать.

Она родилась в Сан-Франциско и не мыслила жизни без моря. Плеск волн, шум прибоя, бескрайняя синяя гладь... А еще в волнах так здорово танцевать. Большие всего Дульси любила море и танец. Танец даже сильнее.

– А-а!!! Держи их!

Услышав этот вопль хозяйки квартиры, Дульси, как ее ласково звали родные, и не подумала поторопиться. Напротив, она остановилась посреди улицы, с интересом ожидая, как поведет себя разъяренная владелица ободранной, пропитанной тошнотворными запахами комнатки, обнаружив исчезновение не только странных постояльцев, но и их немуд-

ренных пожитков.

Из дома выскочила толстуха, на бегу срывающая с головы папильотки. Она производила комичное впечатление, половина головы топорщилась бумажками, волосы на другой торчали во все стороны тусклыми сосульками. Это заставило девочку буквально согнуться от хохота.

– Дульси, бежим! – потянул ее за руку брат Раймонд.

Но малышка вместо того, чтобы спастись бегством, исполнила несколько движений странного танца.

В первые мгновения женщина замерла, попросту не зная, что предпринять, но, когда Дульси прокричала, что, придет время, и она будет гордиться, что сдавала комнату великой Денкан, бросилась следом. Опасности, что догонит, не было, но брат решительно тащил младшую сестренку подальше, и Дульси, наконец, подчинилась.

Уже в который раз мамаша Денкан и ее дети поступали именно так: у них не было денег, чтобы заплатить за проживание, и когда терпение хозяев подходило к концу, Мэри Денкан собирала часть вещей в тугой узелок и уходила, объяснив владельцам жилья, что несет сдавать вязанные вещи в магазин, деньги обещали выплатить сразу – завтра, в крайнем случае, послезавтра, тогда будет и оплата за жилье.

– Да-да, и за полгода вперед. Вы ведь не против?

Какой же дурак будет против оплаты авансом? К тому же миссис Денкан производила хорошее впечатление, она казалась образованной, хотя и странной, играла на рояле и чи-

тала непонятные окружающим стихи, твердя, что это Шекспир.

– Весь просвещенный мир боготворит Шекспира! Вы только послушайте...

Едва ли хозяйка комнаты относилась к числу любителей поэзии великого англичанина, она предпочла поинтересоваться другим:

– Миссис Денкан, а где ваш муж? Почему он не живет с вами?

– Тсс! – приложила палец к губам Мэри, испугано оглядываясь, словно одно упоминание имени ее супруга могло вызвать его появление совсем как призрака отца в «Гамлете». – Именно от него мы и прячемся.

– Почему? – продолжила дотошный допрос домовладелица.

– Он дурно влияет на детей. И совсем не любит великого Шекспира.

Миссис Денкан произнесла этот так, словно нелюбовь к поэту была восьмым смертным грехом. Хозяйка усомнилась, но возразить не решилась. Все же эта миссис Денкан производила странное впечатление...

Когда пришло время платить за первый месяц, Мэри Денкан объяснила, что из-за смены места проживания посланец от сестры Августы, который должен был доставить деньги на жизнь и оплаты за комнату, не нашел их, теперь придется подождать. Ждать пришлось еще месяц, потом еще... А по-

том они удрали, как делали на всех предыдущих квартирах.

И вот теперь хозяйка безуспешно пыталась догнать младших Денкан, слишком быстрых и ловких, чтобы с ними тягаться.

Конечно, удрали...

– Скоро в Сан-Франциско не останется улиц, где бы нас не знали, – ворчал Раймонд, пока они топали к новому месту жительства. Мать со старшими Элизабет и Августинном уже ждали там. Младшие дети обычно удирали последними, вынося остатки скудных пожитков на себе.

Дульси махнула рукой:

– Скоро у нас будет много-много денег.

– Откуда? Думаешь, папа снова разбогатеет? – вздохнул Раймонд.

– Нет, я стану величайшей танцовщицей и мне будут платить огромные деньги за выступления.

Раймонду пришлось вздохнуть еще раз. И все же его вздох не был столь горестным. Пожалуй, Дульси из тех, кто умеет добиться в жизни всего, что только пожелает.

А желала младшая из детей Мэри Денкан одного: танцевать! Оставалось только надеяться, что они не умрут с голода, пока девочка станет достаточно взрослой, закончит учебу в школе и действительно поступит в какую-то труппу.

Надеяться на отца они не могли...

Их отец променял вечно голодную семью на очередную любовницу, когда Дульси еще пинаясь ножками в животе у

матери, словно танцуя свой первый немислимый танец. Мэри Дора Денкан осталась с тремя маленькими еще детьми и родившейся вскоре Анжелой Изадорой без денег и крыши над головой.

Разорившийся в третий раз Джозеф Денкан не считал себя обязанным помогать брошенной семье. Позже он сумел разбогатеть еще раз, даже купил для бывшей жены и детей небольшой домик, но счастье обладания постоянным местом жительства продолжалось недолго – отец снова разорился и дом забрали за его долги. С того дня и начались бесконечные скитания Мэри и ее детей по чужим углам, платить за которые было нечем.

Мэри Денкан шла домой, едва передвигая ноги, но не потому, что голодна, хотя было и это, а от мысли, чем кормить таких же голодных детей завтра. Лавка, в которую она сдавала вязаные вещи, закрылась, владелец попал в больницу, несчастной женщине не удалось ничего продать. Куда теперь сдавать изделия? Пока найдешь новую лавку, согласную принять, пока снова начнут платить, пройдут дни, а кушать дети захотят уже сегодня. Мэри была в отчаянии, из-за постоянной смены жилья она не могла давать много уроков игры на рояле, если не станет и этой подработки вязанием, им попросту грозит голодная смерть. И это не пустые слова.

Дульси заметила мать первой, нахмурилась, заметив, что та расстроена.

– Что, мама? Что-то случилось?

И взрослая женщина, чуть не плача, призналась своей маленькой дочери, что не смогла продать ничего, а потому им нечего будет есть в ближайшие дни. Дульси долго не раздумывала, она заглянула в корзинку, быстро перебрала содержимое, явно что-то прикидывая, и объявила:

– Ждите!

Девочка выглядела забавно с большой корзиной в руке, верный брат Раймонд бросился следом:

– Ты куда?

Дульси отмахнулась:

– Не мешай, я лучше одна. Если будем вместе, могут подумать, что мы своровали.

Домой она вернулась с почти пустой корзиной и солидным заработком. Девочке удалось продать связанные матерью вещи куда дороже, чем их принимали в лавке. И Мэри больше не сдавала пинетки, шапочки и прочие красивые мелочи ни в какую лавку, сбытом занялась Дульси. Заработать удавалось немного, но тем дороже устраиваемые в такие дни пиршества. Не тем бы заниматься девочке шести лет, но эту безалаберную, полуголодную вольную жизнь Дульси, ее сестра и братья ни на какую другую не променяли бы.

Зато, когда мама бывала дома, звучали музыка и стихи. Мэри прекрасно играла на рояле, и, если им удавалось снять приличное жилье и арендовать инструмент, импровизированные концерты устраивались ежедневно.

В тот вечер Мэри привычно сидела у рояля, отдавшись во власть музыки, чтобы хоть немного забыться и не думать о необходимости чем-то накормить детей. Кормить было нечем...

– Тетя Августа! – обрадовалась Элизабет, открывая дверь сестре Доры Августе Грей.

Появление тетушки означало, что сегодня будет ужин, она всегда приносила хоть что-то, зная, что в доме может не быть даже куска черствого хлеба.

– Да, садитесь к столу, пока пирог не остыл.

Голодных детей уговаривать не пришлось, они мигом оказались на своих местах. Подошла и Мэри.

Пирог невелик, на пятерых его маловато, но Августа и сама небогата, достаточно уже того, что всю одежду детям приносила она, собирая ненужное по родственницам и знакомым. И угощение иногда приносила.

Мэри решительно прошлась ножом по пирогу, деля его на четыре части.

Августа огляделась с тревогой – в комнате не было младшей Денкан. Неужели с ее любимицей Дульси что-то случилось?! Но остальные дети спокойны, да и Мэри тоже.

– Ешьте. Только не забудьте оставить Дульси, – скомандовала мать, подвигая куски пирога Елизавете и ее братьям.

– А... ты? – осторожно поинтересовалась дочь.

– У меня сегодня нет аппетита.

У Августы сжалось сердце, когда она заметила, как стара-

тельно соскребла с оберточной бумаги все прилипшие крошки и незаметно отправила их в рот Мэри, у которой якобы совершенно не было аппетита. Мать голодна не меньше детей...

— А где Дульси? — осторожно поинтересовалась Августа, перейдя, вернее, протиснувшись следом за сестрой к роялю.

Ответил с набитым ртом Раймонд:

— Она у мящ...ника...

— У кого?

— У мясника.

Августа понизила голос до шепота, хотя в небольшой комнатке, треть которой занимал рояль, было трудно что-то утаить:

— Ты посылаешь малышку к мяснику?

В этот момент за окном раздались крики и собачий лай. Август метнулся сначала к окну, а потом в дверь. Раймонд последовал за братом, видно они сразу поняли, что происходит. Выбежала и Мэри.

Августа подошла к окну следом за Елизаветой. На улице Август и Раймонд отгоняли собак от прижимавшей к себе что-то завернутое в фартук Дульси. К ним на помощь спешила мать.

— Что это?

Елизавета спокойно объяснила:

— Дульси опять выклянчила что-то у мясника, но пристали собаки. Они всегда чувствуют, когда можно поживиться.

Через минуту самая младшая Денкан действительно с гордостью вывалила на стол мясные обрезки и кости:

– Вот! Здесь на целую неделю хватит.

Мэри немедленно поставила на плиту большущую кастрюлю.

Улучив минуту, когда слегка насытившиеся дети убежали по своим делам, Августа подсела к сестре, которая перешивала принесенное платье, оно вполне подошло Дульси.

– Мэри... тебе трудно с четырьмя детьми...

– Только не предлагай мне выйти замуж за твоего знакомого!

– Нет-нет, я не о том. Мы с мамой могли взять кого-то одного к себе. На время, – быстро уточнила Августа, встретившись с возмущенным взглядом сестры. – Пусть у нас поживет, например... – конечно, она хотела бы назвать свою любимицу Дульси, но и дома уговор был другой, и Мэри ни за что малышку не отдаст, – ... Элизабет. Или Август. Дульси с Раймондом разлучать нельзя, они словно двойняшки.

Мэри вовсе не хотела отдавать кого-то из детей родственникам, жизнь которых хотя и не была даже среднего достатка, но разительно отличалась от беспокойного и полунищего существования Денканов. Кроме того, ребенок может проболтаться о том, что они никогда не платят за снимаемые комнаты. Это преступление для строгих правил ирландского клана Грей, но после того как Джозеф бросил семью, а Господь никак не вмешался, Мэри перестала ходить в церковь и

считаться с мнением многочисленных кумушек. На заверения своей матери, что Господь все видит, она резко ответила:

– Не думаю, что это так!

– Ты сама виновата в истории с Джозефом! Тебе твердили, что это недостойный кандидат в мужья. А теперь сокрушаешься, что Господь не наказал негодного мужа?

Мэри фыркнула:

– Мне наплевать, наказан ли Джозеф, но почему Господь не хочет помочь нам с детьми?!

– Потому что ты богохульствуешь! – мать потрясала кулаками в ужасе от слов дочери, но Мэри это не смутило:

– А дети, они чем провинились, что вынуждены жить впроголодь?

Это был их последний разговор, мать больше не желала видеть Мэри, а единственным связующим звеном с кланом Грей осталась Августа.

Но даже потрясая кулаками и проклиная непутевую дочь, ее мать продолжала по возможности заботиться о внуках. Забота выражалась в сборе одежды и обуви у родных и передача вещей Мэри.

И вот теперь семья предлагала забрать к себе Элизабет. Старшая Денкан не Дульси, она будет вести себя прилично, не проболтается и потерпит, сколько придется. Но отдавать дочь означало признать правоту клана Грей. Августа прекрасно понимала сомнения сестры, она положила руку на запыстье Мэри:

– Послушай, пусть хоть Элизабет немного поживет спокойно.

Уговорить Мэри удалось, она только поставила условие:

– Я заставлять Элизабет не стану. Предложишь сама и дашь ей подумать. И обещай, что девочка сможет вернуться, как только захочет.

Элизабет согласилась пожить у бабушки, хотя плакала и твердила, что ей будет очень грустно без мамы, сестры и братьев.

Между Августой и Мэри состоялся еще один серьезный разговор, Августа хотела кое о чем предупредить младшую сестру.

– Мэри, тебя уже разыскивают. Я своими глазами видела розыскной листок: Мэри Денкан.

– А дети?!

– Нет, о детях там ни слова. Но тебе нельзя называть фамилию и имя, тем более, давать объявления об уроках музыки под этим именем. Если тебя арестуют, то детей отдадут в приют!

Августа права, хотя родители учениц Мэри относились к ней хорошо, но была опасность, что кто-то проговорится.

– Надо сменить фамилию.

– Может, возьмешь свою – Грей?

– Вот уж нет! Я стану... Дункан! Вполне ирландская фамилия и отличается не сильно, всегда можно будет сказать родителям учениц, что те ослышались.

Августа усомнилась:

– Мэри Денкан – Мэри Дункан... не думаю, чтобы сошло с рук.

– Хорошо, я стану Дорой.

Их разговор услышала Дульси и возмутилась:

– Но Дора – я! Я – Изадора.

– Дульси, знаешь, как правильней в Ирландии? Айседора.

И ты будешь Дориттой – маленькой Дорой. Запомните, дети: мы теперь Дункан.

Привыкшие к любым вывертам своей беспокойной жизни, дети Доры Дункан, бывшей Мэри Денкан, согласились. Какая разница, как зовут?

Элизабет прожила у бабушки недолго, она слишком тосковала по своей семье и, хотя была послушной, никак не могла привыкнуть к новому для нее распорядку. От вольницы Дункан не так легко отвыкнуть. Вернувшись, она обнаружила, что младшая сестра обучает соседских детей танцам. Мало того, довольные родители еще и платили новоявленной преподавательнице! Неплохое подспорье, если тебе всего шесть.

Одна беда – теперь Дунканы не могли сбегать, не заплатив за жилье. Но они подрабатывали все – девочки учили малышню танцевать, мальчики разносили товары, за небольшую плату сочиняли стишки и поздравления завсегдатаям местного бара, Август даже устроился куда-то курьером. Училась пока только самая младшая Дульси, но в десять лет

и она решила, что посещение школы пустая трата времени.

— Книги я буду брать и в библиотеке, это бесплатно, а танцевать и без школы могу.

Она могла, эта младшая Дункан.

Айседора буквально не мыслила себя без танца и без книги. Началось это в Сан-Франциско, когда вместо школы Дуси стала ходить в библиотеку.

Тонкие пальцы танцовщицы погладили обложку очередного шедевра, лежавшего на столе. Все книги шедевры, просто не все одинаковые.

Каким-то чутьем с ранних лет она умудрялась выбирать из многих стоявших на полках фолиантов лучшие. Вместо глупых слезливых романов (хотя и таких было прочитано немало) юная девушка штудировала... Фридриха Ницше.

— Если с Ницше начинать, то философия будет не страшна, — заявила она библиотекарю, крайне удивленному ее выбором.

— Мисс, вы уверены, что вам вообще нужна философия?

— Она нужна всем! А вот мой брат Раймонд больше любит древних греков, утверждает, что без мудрости Сократа человечество так и осталось глуповатым. А вы кого больше любите — Сократа или Ницше?

На счастье библиотекаря ему пришлось заняться другой посетительницей, спрашивавшей как раз дамский роман. Айседора насмешливо фыркнула:

– Ясно, вы вообще не любите философов.

Интерес Раймонда к Древней Греции повлиял на всю семью, Дункан действительно увлеклись Элладой настолько, что даже одеваться стали как древние греки – в туники и сандалии. Сначала только дома, позже это превратилось в их визитную карточку.

– Здесь ли живет мисс Дункан?

– Ну, я Дункан, а в чем дело? – Айседора искоса смотрела на прилично одетого довольно пожилого человека, прикидывая, какие неприятности может сулить его появление.

– Мисс Изадора Дункан, эту записку моя хозяйка просила отнести вам.

Хозяйка... записка... это слуга?

– Просили прочесть и передать ответ. Можно устно.

Айседора прочла. Миссис К. сообщала, что наслышана о талантливой учительнице танцев и желает, чтобы мисс Дункан обучала движению ее дочь. Оплату обещала весьма щедрую.

– И что я должна ответить?

– Если вы согласны, мисс Дункан, то вас просят прийти вот по этому адресу завтра в полдень. А вы точно мисс Изадора Дункан?

Айседора рассмеялась:

– Да, вы передали записку по адресу. Я приду завтра и проведу показательный урок. Кстати, сколько лет дочери

миссис К.?

– Восемь.

– Прекрасно, я приду.

Миссис К. задала такой же вопрос:

– Сколько вам лет, мисс Дункан?

Айседора, не моргнув глазом, прибавила себе пяток. Что за люди, какая разница сколько ей лет, если она умеет учить?

Занятие очень понравилось и миссис К., и ее полноватой восьмилетней дочери Мэри. Конечно, у толстушки не все получалось, но весьма щедрая оплата труда юной учительницы компенсировала неуклюжесть ученицы.

Дульси стоило труда сдержаться и не вопить от радости и гордости за себя, она шла домой степенно, хотя ноги сами так и пускались в пляс. Теперь не будет голода и необходимости носить чью-то одежду, мама сможет меньше бегать по урокам, семья поселится в приличном домике, а Раймонд поступит учиться, он об этом мечтает. Всех будет содержать она, Дульси!

В комнату Айседора вошла важно, словно в кармане был не доллар, а сотня тысяч.

– Что случилось, почему ты надулась, словно индюк? – ехидно поинтересовался Раймонд.

– Вот! Это за один урок, которых теперь будет множество! Поняли?

Элизабет остались занятия с соседскими детишками, а Айседора учила детей состоятельных жителей Сан-Францис-

ко у тех на дому. Жизнь стала вполне сносной, у них появились приличные вещи и даже кое-какая собственная мебель. Главное – рояль, который гордо разместился в комнате, занимая почти все пространство, но это не смущало – танцевали в соседней. За рояль предстояло еще выплачивать, но вполне посильные суммы.

– Мама, тебе не кажется, что наша Дульси и правда сможет содержать всю семью? – шепнула Элизабет Доре, кивая на важно вышагивающую по улице Айседору.

– Мы одна семья, если получается у Дульси, мы все должны ей помогать. Кажется, она самая талантливая, значит, все будет подчинено ей.

Клан Дункан сплотился вокруг самой младшей, действительно самой талантливой и самой... самонадеянной.

Они всегда были единым целым, с детства понимали, что выжить смогут только вместе, что по одиночке пропадут. Сколько семейных банд жили по такому же принципу в Америке начала века? Но Дора сумела сплотить детей на совершенно другой основе – искусстве. Братья и сестры Дункан точно знали, что музыка, танец, поэзия – главное, а их миссия в этом мире – заставить мир увидеть это главенство. Они должны научить людей тому, что за столетия было попросту забыто, тому, что человечество знало во времена своей юности в Древней Эллад.

Прекрасная миссия. Забегая вперед, можно сказать, что во многом она была выполнена, имя Дункан навсегда оста-

лось в золотых скрижалях человечества. Но, как часто бывает в большом деле, не обошлось без перегибов, дорого стоивших и самой Айседоре, и ее семье.

Но тогда они еще были только в начале пути, твердо верили в успех и не замечали многочисленных трудностей.

Одна стопка голубоватых листков на краю стола росла, другая уменьшалась. Но как же медленно! У Айседоры по контракту было всего четыре месяца, если писать с такой скоростью, то не успеет закончить к сроку а она никогда не срывала контракты, даже если выполнять приходилось в тяжелейших условиях.

– Нужен секретарь! В конце концов, можно ведь не рассказывать ему все, что не хочется выставлять напоказ.

Немало событий, которых она и сама не желала бы помнить, немало людей, имена которых в памяти вызывать страшно...

Такое не доверишь чужому человеку но можно написать самой.

Решено, то, что вспоминать опасно или слишком тяжело, она напишет сама, а остальное надиктует. Осталось найти толкового секретаря.

Нью-Йорк... каждого, кто не родился в этом городе и попал туда взрослым, он потрясает. Нью-Йорк просто не может оставить равнодушным, неважно, влюбится в него человек

или возненавидит потом, сначала будет потрясение.

Семья Дункан, решив, что Нью-Йорк лучшее место для их старта, приехала туда привычно без денег в кармане, но с уверенностью, что покорить даже этот город они смогут быстро.

Сколько семей или отдельных личностей приезжали, пребывая в такой же уверенности? Скольким пришлось вернуться обратно, уехать еще куда-то, просто сдаться и прозябать... Нью-Йорк не покорился ни в тот же день, ни на следующий, ни еще через месяц, он просто пустил их на свои улицы и... забыл о существовании.

На последние средства сняли скромное жилье среди таких же безденежных и отправились на поиски работы: Элиабет – учеников, Август – места в театральной труппе, Раймонд – в редакции журналов с идеями статей о древнегреческой поэзии, а Айседора, конечно, на Бродвей.

Еще до Нью-Йорка Айседора попытала счастья в Чикаго, несколько раз даже с успехом танцевала на сцене летнего сада под аккомпанемент страшно расстроенного пианино, исполняя незамысловатый канкан перед жующими и пьющими посетителями кафе. К тому ее вынудило полнейшее безденежье, когда они с матерью оказались попросту на улице без цента в кармане и пришлось продать единственное украшение – воротник из старинного ирландского кружева, доставшийся по наследству от бабушки. Тогда Айседора дала зарок ни за что не идти на поводу и лучше умереть с голода, чем

снова соглашаться задира́ть ноги в канкане.

Но Чикаго она вспоминала с нежностью из-за своего первого любовника – Ивана Мироцкого, поляка гораздо старше нее, нищего, словно церковная крыса, но пожелавшего жениться на этой удивительной девушке. Айседора хотя и была по уши влюблена, предпочла сначала добиться успеха в Нью-Йорке, а уж потом...

Основания, по ее мнению, были нешуточные. В Чикаго она сумела добиться встречи с великим Дейли – нью-йоркским драматургом, режиссером и антрепренером, у которого считали за честь играть настоящие звезды. Не просто встрети́лась, но даже прочитала короткую лекцию о важности танца и пластики. Дейли в труппу не принял, но запомнил и обещал найти для увлеченной девушки роль. К кому же, как не к Дейли ей следовало идти на Бродвее?

– Театр Августина Дейли? – недоуменно пожала плечами дама в дорогом мантио, к которой посреди самой известной в мире театральной улицы обратилась Айседора. – Не знаю такого.

Айседора сама прошла весь Бродвей, внимательно читая вывески на каждом доме. Тоже не нашла, не смогли ничего сказать еще три человека и только четвертый – веселый юноша, до самого носа закутанный в теплый шарф – кивнул:

– Театр Дейли не здесь, он на Тридцать четвертой улице. Вам вон туда...

Но к Дейли Айседору не допустили, обещав всего лишь

сообщить мэтру ее нью-йоркский адрес.

Не допустили не только к Дейли, Бродвей категорически не желал признавать насущную необходимость уже идущих и еще репетируемых спектаклей в необычном танце настоящей девушки. Ни в первый, ни в десятый день Айседора работы не нашла. Деньги таяли как снег на солнце, их хватало лишь на скудную еду, над кланом Дункан снова нависла угроза оказаться на улице. Отчаянье сдавило шею хуже удавки.

Айседора брела по улицам Нью-Йорка, размышляя, где еще можно попробовать силы. Удивительно, но даже в таком положении отказываться от своего видения танца и поступать в заведение вроде того, в котором работала в Чикаго, девушка не собиралась.

Настойчивость и вера в свое предназначение всегда вознаграждаются – дома ее ждала телеграмма от Дейли.

– Дульси, что? – с надеждой поинтересовалась мать.

– Завтра в девять. Есть роль! Мама, для меня есть роль у Дейли!

Айседора почему-то не стала объяснять про Тридцать четвертую улицу вместо Бродвея. Какая разница где, если она будет танцевать на нью-йоркской сцене!

Кажется, этот приземистый толстяк не сразу вспомнил ее, а значит, давно выбросил из головы лекцию о танце. Но почему же тогда пригласил к себе? Пока Дейли разглядывал Айседору, видно что-то для себя решая, та боролась с же-

ланием отполировать рукавом его совершенно лысый череп, чтоб блестел. Так и сделаю, если станет приставать! – решила девушка для себя.

Приставать Дейли не стал, он прикидывал, сумеет ли Айседора сыграть в пантомиме. Конечно, он забыл ее рассуждения о свободном танце Эллады и самовыражении, мэтру просто понадобилась актриса в пантомиму вместо выбывшей. Никого другого спешно не нашлось, зато попался на глаза адрес Дункан.

– Но я танцовщица, а не мим!

Дейли махнул рукой:

– Одно и тоже. Пятнадцать долларов в неделю, и то если подойдете. Ничего другого нет и не будет.

Айседора уже открыла рот, чтобы сказать гадость, но вспомнила про угрозу жить зимой на улице и согласилась. Пантомима не давалась девушке категорически.

– Раймонд, ты должен написать разгромную статью, объяснив читателям, что пантомима мертва!

Брат не соглашался:

– Дульси, но пантомима родилась в Элладе.

– Тогда это мертворожденный ребенок! Зачем жестами нужно показывать, что я кого-то люблю? Можно сказать тремя словами, но я делаю много нелепых жестов. Смотри, нужно ударить себя кулаком в грудь, потом протянуть руки в сторону партнера.

– И что тебя смущает? – удивлялся Раймонд. – Ты словно

вынимаешь свое сердце и протягиваешь его на ладони любимому человеку. К тому же, если это говорить словами, то будет драма, а не пантомима.

Айседора задумалась.

– Протянуть свое сердце на ладони? Ты прав, в этом что-то есть...

Но никто не позволил ей танцевать отсебятину, а когда по роли она слишком рьяно поцеловала главную актрису, играющую Пьеро, и вовсе получила от нее звонкую пощечину за кулисами.

Радовало только то, что в труппе Дейли она задержалась, правда, за пятнадцать долларов в неделю и играть становилось с каждым днем мучительней.

– Я не танцую, понимаете, я не занимаюсь главным делом своей жизни! – в отчаянии заламывала руки новоявленная актриса дома.

Ее понимали и уговаривали потерпеть.

– Сколько? И чего ждать, когда Дейли поймет, что пантомима ничто по сравнению с греческим танцем?! Могу вас успокоить, он никогда не поймет. Дейли это не нужно!

Однажды, высказав все прямо в лицо Дейли, Айседора взяла расчет.

Пятнадцать долларов в неделю не слишком большой доход, скорее, ничтожный, но это возможность хоть как-то выходить на сцену. Айседора от нее отказалась, теперь следовало подумать и о возможности заработка в другом месте, и

о том, что же делать вместо пантомимы.

– Август снова по рассеянности заработал штраф. Он отдает почти все, что получает... – вздохнула Элизабет, осторожно косясь на сидевшую с шитьем у окна мать. – Нам не прожить...

Снова тот же вопрос денег. Проклятый вопрос!

– Я попробую удвоить количество учениц, но для этого придется занимать студию чаще.

– Занимай, – согласилась Айседора.

– А вы куда денетесь?

– Погуляем.

Дора все слышала, она откликнулась:

– Мы вообще можем сдавать ее по часам, пока сами будем изучать улицы Нью-Йорка. Нечего сидеть дома в ожидании старости!

Замечательная идея, вот только наступила зима и гулять пришлось на ледяном ветру и по щиколотку в холодных лужах. Требовалась иная идея заработка.

Она нашлась неожиданно.

На улице снова пронизывающий ветер и мокрый снег, чтобы согреться, Дункан зашли в нотный магазин. Никто же не запрещает подолгу перелистывать сборники, в отсутствии покупателей в такую отвратительную погоду продавцы были рады поболтать с Дорой, чувствуя, что та не новичок в музыке.

Миссис Дункан подозвала дочь:

– Дульси, посмотри. Мне кажется, это будет звучать интересно.

– Невин Этельберт... – прочитала Айседора. – Не знаю такого.

– Я тоже, – согласилась миссис Дункан и напела какую-то приятную мелодию. – По-моему, это тебе подойдет.

– Миссис не желает сыграть по этим нотам? – продавец показал на стоящий в углу рояль.

Миссис присела к инструменту. Уж лучше устроить импровизированный концерт в нотном магазине, чем мерзнуть на улице. Она сыграла из «Водного цикла» Невина сначала того самого «Нарцисса», который привлек внимание, потом «Нимфу», «Офелию», «Баркаролу»... Айседора сбросила тонкое пальтишко и принялась танцевать. Прямо на глазах у собравшихся вокруг продавцов рождался новый, необычный танец.

Дора повторила «Нарцисса» еще раз, Айседора двигалась уже уверенно, она почувствовала музыку композитора. Когда мать и дочь закончили свое неожиданное выступление, раздались аплодисменты.

– Мисс, вам нужно танцевать на сцене! – с жаром заверил хозяин магазина. – А вам, миссис, давать концерты. Или делать это вместе.

– Мои танцы не нужны Нью-Йорку, – проворчала Айседора.

– Возьмите эти ноты, если они вас заинтересовали.

Им не только подарили ноты, но и пригласили выступать прямо в магазине. Свободного места в нем было слишком мало для танцев Айседоры, все же магазин редко пустовал, а вот миссис Дункан стала время от времени навещать это заведение и с удовольствием устраивала небольшие концерты, привлекая покупателей. Она играла что-то из новых поступлений, и слушатели раскупали ноты, желая повторить дома. Это не приносило доход, но пополняло их и без того немаленькую нотную библиотеку Дункан.

Но случилось так, что три недели новых фортепианных поступлений не было, ходить далеко от места их обитания, чтобы принести ноты, которые уже имелись, Доре тяжело, и ее концертная деятельность как-то сама собой сошла на нет.

Зато началась другая – совместная с Айседорой.

– Пройдем «Нарцисса» еще раз, – попросила Айседора. Это был редкий час, когда студия принадлежала им днем и не нужно бродить по Нью-Йорку. Обычно же они репетировали по ночам, доставляя массу неудобств соседям.

Звучали последние аккорды, когда дверь вдруг рывком распахнулась и на пороге возник включенный человек, вся длинная фигура которого от носков туфель до кончиков торчащих во все стороны волос выражала крайнее возмущение. Новый сосед, – решила Айседора, – которому осточертела в двадцатый раз проигрываемая мелодия.

– Вы!.. Вы не смеете танцевать под мою музыку! – неожиданно дискантом взвизгнул нежданный гость, размахивая та-

кими же длинными, как туловище, руками. – Моя музыка не предназначена для танцулек! Она...

Он не смог быстро подобрать слово, характеризующее музыку, а мать и дочь уже пришли в себя. Они переглянулись с немym вопросом: это Невин?!

Айседора метнулась к композитору, почти заламывая руки (пригодились навыки пантомимы):

– Маэстро, прошу вас, присядьте. Позвольте мне один, всего один раз станцевать перед вами. Если вы будете так добры и посмотрите, то сами решите, можно ли исполнять этот танец. – Она усадила потерявшего боевой пыл Невина на стул, заверяя: – Если вы сочтете, что это плохо, клянусь, я больше никогда не посмею танцевать под вашу прекрасную музыку. И другим не позволю!

Айседора даже ногой топнула, чтобы у композитора не осталось сомнений в ее решимости защищать его творение. Не дожидаясь ответа от совершенно растерявшегося Этельберта, она кивнула матери.

Дора Дункан всегда играла прекрасно, но тут постаралась особенно. Не каждый день приходится исполнять произведения прославленных авторов в их присутствии, да еще когда решается судьба танца дочери. Айседора танцевала тоже вдохновенно.

Когда замер последний звук, а она сама остановилась, опустив голову и руки, Невин с воплем восторга вскочил со стула:

– Боже мой! Боже мой! Как же вы угадали мои мысли и чувства? Вы словно подслушали мою душу. И вы, миссис, тоже. Чудесно!

– Посмотрите еще «Офелию»?

Конечно, Невин посмотрел, и не только «Офелию». Результатом было предложение выступить вместе в Карнеги-Холле.

– Я сам буду вам аккомпанировать. Но разучивать вы будете здесь! – палец ткнул в сторону рояля. – Позвольте, – композитор весьма невежливо выпроводил из-за рояля миссис Дункан и присел сам.

Он играл, а Айседора танцевала. Мелодия была незнакомой, но, когда чувства в одном ключе, договариваться необязательно.

Невин только что вернулся из Европы, очень популярен в Нью-Йорке и достаточно состоятелен, чтобы самому снять зал и оплатить рекламу концерта. Успех был огромным! Зрители требовали повторения и продолжения.

– Дульси, он очень болен, – вздыхала мать.

Айседора и сама видела, что Этельберт страдает от алкоголизма и наркотиков, но что она могла поделать?

– Августин, ты можешь прочесть это вслух? – Айседора подала брату листы с поэтическим текстом.

– Нашла чтеца! – прошипел Раймонд.

– Ну, попробуй ты, – с не меньшим презрением отозвался Август на замечание брата.

Мягкая от природы Элизабет во всем уступала младшей сестре, она окончательно решила посвятить свою жизнь семье и Дульси, а вот братья ссорились все чаще. Почему, понять не мог никто. Чего не хватает? Мать пыталась напомнить, что спасти их семейную лодку в бурном море жизни может только единство.

– Мы Дункан, мы одно целое. Что бы ни случилось, мы должны быть вместе и стоять друг за друга стеной. Каждый должен знать, что остальные его поддержат. Но если гребцы в лодке будут грести в разные стороны, она непременно сорвется в водоворот. Почему вы не желаете поддерживать друг друга?!

– Да, Август, почему бы тебе не поддержать меня и не поработать, вместо долгих прогулок по городу?

– Но ты сам только и знаешь, что прогуливаться! – парировал старший брат. – Кто больше тебя бродит по улицам и в порту?

– Я ищу материал для статей! Я работаю головой, а ты все заработанные деньги то теряешь, то отдаешь в качестве штрафов, то тратишь непонятно на что. Кому нужна твоя игра, если она не приносит никаких средств?

– Довольно!

От окрика матери замерли оба. Конечно, Раймонд прав, уже которую неделю Август практически не приносил деньги в дом, но разве можно его в этом укорять?

– Я тоже не зарабатываю, сын мой. Ты и меня будешь уко-

рять?

— Ты иное дело, мама. Ты заботишься обо всех нас. Но неужели ты не видишь, что Августу просто наплевать на семью?

— Мы единое целое! Я не потерплю трещин в нашей семье. Сколько раз вам твердила, что мы живы пока едины!

Она еще долго рассуждала бы о единстве, но голос подала Элизабет:

— Давай, я почитаю, Дульси. Только объясни, зачем тебе это?

Айседора не ответила, под мелодичный голос старшей сестры она просто начала двигаться. Братья прекратили споры, а мать ворчание, благодаря волшебному танцу Дульси они объединились, танец спаял семью, чего уже не могли сделать нравоучения матери. Да, они одно целое, у них единые помыслы, мечты, одна жизнь.

Дора смотрела на танцующую под поэму Айседору и думала о том, как распределить роли в их необычном ансамбле, чтобы у братьев не возникала ревность друг к другу. Она не подозревала, что жизнь уже все расставила по своим местам.

Айседора спешила в небольшую гостиницу Ньюпорта, где они с матерью и сестрой летом снимали две комнаты в надежде подработать, выступая на виллах миллионеров. Было совсем темно, добираться пришлось пешком, поскольку позволить себе экипаж Айседора не могла. Дворецкий миссис

Астор любезно предложил экипаж вызвать, но не предложил за него заплатить. Девушка отмахнулась, мол, меня где-то там ждет брат.

Так и не дождавшись оплаты за свое выступление, она подхватила небольшой сверток с туникой и нырнула в темноту аллеи. Только бы не оказались выпущены охраняющие парк собаки...

Хорошо птицам, они могут летать. Айседора вздохнула: не помешало бы быть легкой и не ступать на холодную и мокрую после дождя землю. Конечно, никто ее не ждал, добраться пришлось одной.

Нью-Йорк не оправдал надежд, после того как болезнь Невина стала слишком явной, их совместные выступления прекратились. С толком использовать благоприятное время Дункан не смогли, и теперь Айседоре приходилось танцевать на виллах богачей, пока те отдыхали (интересно, после каких трудов) летом. Принимали с восторгом, дружно аплодировали, хвалили... больше за необычность, чем за сам танец. Но никто из зрителей в сущности не понимал, что именно она делает, с равным успехом можно было танцевать и под собственное (ужасное!) пение, и под скрип двери. Босоножка, но не больше.

– Это все Америка, в Европе было бы лучше! – вдруг громко объявила она сама себе, выбравшись, наконец, на освещенную парой фонарей улицу.

– Вы правы, мисс, в Европе лучше.

Взвизгнув от неожиданности, Айседора дала стрекача отлежавшего на скамейке бездомного, которого попросту не заметила. Тот довольно хохотал вслед:

– Держи ее!

На зов отозвался полицейский:

– Мисс, остановитесь.

Она бросилась к полисмену сама:

– Там... на скамейке...

– Что вы делаете на улице одна в такое время?

Выпустили из полицейского участка ее через час лишь после звонка в особняк леди Астор. Просить о звонке пришлось настойчиво, ни малейшего желания среди ночи беспокоить кого-то из слуг некоронованной королевы Америки у полицейских не было. А эта странная девица с тряпьем и нотами в свертке может подождать до утра. Даже убедившись, что она не лжет, посоветовали подождать, пока не рассветет, а видя ее упорство, вызвались проводить. Айседора ушла, даже не попрощавшись.

Она брела домой, прижимая к груди скомканный сверток, и плакала. Злые слезы катились по щекам, но девушка даже не вытирала. Дома сунула в руки Элизабет свой сверток и без слов повалилась на постель. Не хотелось никого ни видеть, ни слышать. Айседора дарила людям свой танец, свое виденье любви и жизни, а те подозревали в ней проститутку!

– Что случилось, Дульси? – встревожились мать и сестра. – Тебя обидели? С тобой сделали что-то плохое?

Хотелось ответить, что наплевали в душу, даже ранили ее, но Айседора вдруг рывком села на постели и объявила:

– Нужно ехать в Европу!

– Тебе не заплатили? – догадалась мать.

Айседора вспомнила, что и впрямь не получила деньги, но помотала головой:

– Не это главное. Здесь ничего не поймут. Надо в Европу. Сегодня же!

– Но разве ты завтра не будешь выступать?

– Нет, мы сегодня же уедем в Нью-Йорк.

Мать вздохнула, понимая, что дочь просто получила очередную пощечину. Даже при всей ее непрактичности и незнании жизни, Дора понимала, что мир жесток и таких пощечин будет еще очень много. Она не могла уберечь детей от несправедливости мира и не могла научить их давать сдачи, оставалось научить одному – быть отстраненными. До сих пор получалось, но если маленькая Дульси могла устроить в школе потасовку, доказывая семейное видение мира, то взрослой Айседоре не раз придется глотать злые слезы от обиды на жизнь и на судьбу.

– Ложись, поспи, уехать успеем, нас в Нью-Йорке тоже не ждут.

Дворецкий леди Астор еще не забыл, что в мире существует бедность, он все понял без объяснений и утром, ничего не говоря хозяйке, отправил слугу с деньгами для мисс Дункан. Вознаграждение было достойным, а сама леди о

необходимости оплатить выступление так и не вспомнила. Для миллионеров Америки артисты, да еще и выступающие не на гигантских сценах, а на парковой лужайке, были чем-то средним между прислугой и попрошайками.

Ждать следующего унижения Айседора не стала, в тот же день они втроем вернулись в отель «Виндзор», где снимали две комнаты на первом этаже. В одной маленькой разместились мать с нехитрым скарбом, в большой днем снова проходили занятия школы Элизабет, а по ночам расставлялись матрасы, на которых спали братья и сестры. Впрочем, Август старался остаться ночевать в театре, видно не желая смущать своим присутствием сестер.

С Виндзорами отель связывало только название, хотя комнаты стоили дорого – целых девяносто долларов за неделю. Огромная сумма для полунищих артистов, но матери учениц Элизабет не соглашались водить своих обожаемых чад куда попало, Дунканам приходилось идти на такие жертвы.

За первые два месяца заплатить за проживание удалось, но что делать дальше, никто не знал. Когда пришло время платить снова, денег для этого не было и поступлений не предвиделось. Элизабет вздохнула:

– Даже если я попрошу родителей оплатить занятия авансом, нам этого не хватит и на неделю...

Айседора мрачно усмехнулась:

– Да, нас спасет, только если отель сгорит дотла!

Говорят: бойтесь своих желаний, они могут сбыться.

Айседора вовсе не желала пожара в отеле. Она лишь хотела избежать необходимости вносить очередную плату, но пожар случился буквально на следующий день. При этом сбылось еще одно страшное пророчество.

Айседора решила попросить деньги в долг у старой состоятельной дамы, жившей двумя этажами выше. Для этой леди сумма в сотню долларов была ничтожно малой, но дама не просто отказала, она прочитала девушке целую лекцию о том, как та должна себя вести и каким танцам учиться.

— А танцевать полуобнаженной и босиком... Фи! Дорогая, вы никогда не станете никем путным, как тот отвратительный кофе, который здесь подают. Будьте добры, скажите портье, что если мне и завтра подадут такой же, то я немедленно выеду. И играйте на рояле потише, это действует на нервы.

Айседора с трудом сдержалась, чтобы не сказать, что, учитывая глухоту старой дамы, они могли бы играть в два раза громче. Не получив денег, но выслушав немало обидных слов, она в сильнейшем раздражении и произнесла роковые слова о пожаре.

Когда запах гари разнесся по комнатам отеля, Элизабет проявила полнейшее хладнокровие и недюжинные организаторские способности, она не допустила паники среди учениц, построила их цепочкой и приказала выходить, крепко держась за руки. Это понадобилось для того, чтобы дети в

дыму от испуга не бросились в сторону и не погибли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.